

7 - МАД 1957

Шолоховское слово

Чтец, берущийся исполнять композицию по «Тихому Дону» Михаила Шолохова, сталкивается со многими трудностями. Прежде всего как ее построить, какие подобрать отрывки, как сценентировать их? В драгоценной россыпи шолоховского текста все необычайно соблазнительно, а время ведь отмерено скупое: каких-нибудь полтора часа или чуть больше вправе отвести себе чтец. Но пусть выбор сделан,—остается основное: самая передача своеобразного весомого шолоховского слова.

Христина Георгиевна Герасимова, артистка харьковской филармонии, дипломант республиканского конкурса чтецов, остановила свой выбор на сюжетной линии Григорий—Аксинья—Наталья, и хотя и в этих пределах оставались широкие возможности отбора, спорить тут с чтицей трудно: не от того, так от этого приходится отказываться. Важнее все же другое: бережно донести до слушателя бесценные крупы шолоховского текста. Вспомним, что старейший советский писатель А. С. Серафимович, прочитав еще только первую книгу «Тихого Дона», взволнованно отметил на страницах «Правды» «яркий, своеобразный, играющий всеми цветами язык»...

И вот чтица ведет нас в мелеховский двор, на краю хутора, воссоздает фигуру деда

Григория, его бабушки турчанки, с которой так жестоко расправились казаки. Пенится, искрится, звенит шолоховское слово, перед нами снова проходит история семьи Мелеховых, на первый план все больше выдвигается Григорий, его метания, буйство страстей, потом смелая и гордая Аксинья, кроткая и любящая Наталья. Чтица рисует шолоховские образы трагической силы, могучий взрыв чувств героев романа и, следуя тексту композиции, переключается из одного эмоционального плана в другой.

Не все равноценно в исполнении композиции. Чтице больше удаются сцены объяснения Аксиньи с Пантелеем Прокофьевичем, Григория с Аксиньей, эпизод с австрийцем, сцена проклятия Натальей Григория, скорбный и величавый образ Ильиничны. Особенностью «Тихого Дона» является сочетание эпического строя романа с проникновенной лиричностью повествования. Чтице предстоит еще по-настоящему овладеть и этой мужественной эпичностью и лирической струей, особенно в обрисовке обаяния, поэтической одухотворенности образа Аксиньи, единственного в своем роде во всей мировой литературе.

Глубокий драматизм и психологическая острота переживаний героев, жизненная правда романа, сложность сюжетных ситуаций требуют от чтеца исключительного интонационного богатства речи. Х. Г. Герасимова стоит на верном пути, но слушатели вправе ждать от чтицы дальнейшего совершенствования исполнения полюбившегося ей, как и всем читателям, классического произведения советской литературы.

Х. Г. Герасимова выступила на очередной литературной «среде» в редакции газеты «Красное знамя».

Б. ПОДОЛЬСКИЙ.